

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ЦИВЬЯН – БАЛКАНИСТ

I.

К середине прошлого века положение в так называемой «балканистике» оказалось достаточно сложным. С одной стороны, существовала фундаментальная книга К. Сандфельда 1930 года, в которой намечен практически неизменяемый до сих пор «набор» балканизмов. С другой стороны, к этому времени Н. С. Трубецкой и Р. Якобсон уже предложили ввести в научный оборот идею «языковых союзов», разумеется, опираясь во многом на балканскую же ситуацию. Свести воедино эти идеи было непросто, тем более, что возможности существования новых путей в лингвистике, еще допустимые в межвоенные годы, были скоро перекрыты лингвистикой блумфильдианского толка, все быстрее превращавшуюся в «нормальную науку», по Т. Куну. Разумеется, публиковались исследования об отдельных языках Балкан. Более того, идеи Н. С. Трубецкого стали хрестоматийной классикой, с которой знакомили студентов и аспирантов. Но о сути Балканского языкового союза – и тем самым о балканистике как таковой – писали мало.

Разобраться в балканском языковом союзе, исследуя шаг за шагом все компоненты этого многослойного образования, выпало на долю Т. В. Цивьян, балканистические труды которой насчитывают более 200 именованных (из общего списка 460 публикаций), а исследовательская работа по балканистике ведется ею уже более сорока лет. (Сопоставляться Т. В. Цивьян с другими балканистами сегодняшнего дня в данной статье не будет. *Sapiendi sat.*)

Остановимся поэтому в первой части нашей статьи о Т. В. Цивьян на ее понимании балканского языкового союза (в дальнейшем – БЯС), рассмотренном в эволюции ее теории.

В автореферате ее кандидатской диссертации («Имя существительное в балканских языках». М., 1964) сразу обращает на себя внимание очень высокий уровень введения, где диссертант демонстрирует прекрасное знание теоретической лингвистики и одновременно готовность к полному представлению фрагмента языковой системы (в данном случае – имени) во всех языках анализа. Уже в этом тексте исследовательница показывает (пока – интуитивное) представление о БЯС как о некоем целом, что и определило в дальнейшем, как я хочу показать, путь ее научных поисков. А именно, она пишет, что факты все увеличивающихся схождения на территории Балкан «могут означать то, что в их основе лежит некий развивающийся процесс, который, кста-

ти сказать, проявляется не только на языковом уровне, а захватывает, например, фольклор, народное изобразительное искусство, верования, обычаи и обряды, некоторые стороны материальной культуры и т.д. Результаты этого процесса настолько значительны, что дают возможность говорить об общебалканской культурно-исторической общности, своего рода *mentalité balkanique*» (указ. соч., с. 4).

Будучи по университетскому образованию филологом-классиком, Т.В.Цивьян не удовлетворилась полученными знаниями, как это часто бывает с выпускниками этого отделения, а мужественно устремилась в дебри балканских языков и диалектов. Приведем только список исследованных ею языков и диалектов из того же кандидатского автореферата: «... албанский с диалектами (прежде всего гегийский), болгарский и македонский языки с диалектами (особое внимание уделено западно-болгарским и центрально-македонским диалектам), новогреческий язык с диалектами (особенно цаконийский, маниотский и малоазийские), румынский язык, представленный дакорумынским, арумунским, мегленорумынским, истро-румынскими диалектами, сербско-хорватский диалект (особо рассмотрены диалекты южной и восточной Сербии); в заключение излагаются некоторые наблюдения над именем в тюркских диалектах Балканского полуострова (турецких, гагаузском)» (указ. соч., с. 5). И эти поистине поражающие и точные знания сделали ее в дальнейшем одной из первых фигур мировой балканистики.

И здесь можно сказать – в виде лирического отступления – о свойствах науки в целом. Видимо, во всех науках есть что-то человеческое, какие-то предпочтения, какая-то любовь-нелюбовь. И даже некая лень. Чем же была не так любима балканистика, если сравнить ее со славистикой? Ответ прост. Балканистика требует обращения к **общебалканским** проблемам, современная славистика удовлетворяется одним славянским языком, одним его фрагментом, одним писателем и т.д. То есть, ей не нужны знания вроде перечисленных выше. Но это только одна сторона проблемы.

Т.В.Цивьян видит и другую сторону проблемы, может быть, более важную. Славистика в ее обращении к диахронии опирается на разработанные методы компаративистики, строит некую исходную, «общеславянскую», систему, из которой шаг за шагом порождаются современные языковые состояния. Балканы – живое сообщество и построить нечто, подобное трудам классиков диахронии, здесь невозможно. Нужны иные методы и иные подходы. Именно об этом пишет Т.В.Цивьян в своей первой «балканистической» книге («Имя существительное в балканских языках». М., «Наука», 1965).

Новые аспекты подхода к балканистике как особой ветви гуманитарной науки представлены уже в следующей большой монографии Т.В.Цивьян, посвященной не морфологической, а синтаксической структуре БЯС («Синтаксическая структура балканского языкового союза». М., «Наука», 1979). Не меняя своей прежней позиции, Т.В.Цивьян в то же время показывает в этой книге и причины метатеоретических затруднений балканистики, и самую суть БЯС как идиоматичного феномена. Прежде всего, подчеркивается роль языка в этом объединении, то, что термин Балканский языковой союз неслучаен. Вместе с тем, как пишет Т.В.Цивьян, «неопределенность, ("несформулированность") целей и задач, отсутствие границ и правил в отборе приводит к тому, что и сейчас балканистика стоит перед вопросом: должна ли она включать в себя нечто, выходящее за пределы "специфически балканского" (в разных аспектах) или даже нечто, кроме сопоставления конкретных результатов?» (указ. соч., с. 4). Т.В.Цивьян приходит к выводу, что «понятие языкового союза целесообразно рассматривать в строго конвенциональном смысле» (там же, с. 5). И далее – «Конвенциональный *par excellence* термин языковой союз делает возможным определять балканскую лингвистику как науку об отношении систем отдельных балканских языков друг к другу и к общей системе БЯС, представленной в виде своего рода грамматического языка-посредника» (там же).

О работах Т.В.Цивьян писали достаточно и цитировали их много. Однако, как мне представляется, до сих пор не обратили внимание (а это положение крупного плана!) на ее принципиальное различие двух дисциплин в том плане, что *славистика обращена в прошлое, а балканистика – в будущее*. Таким образом, эти системы знания не симметричны. Балканистика, по мысли Т.В.Цивьян, занимается процессами, непрерывно происходящими, но не имеющими конечной точки схождения. Понять эту идею непросто, и она, как и теперь мне кажется, понята недостаточно. А именно – балканские системы непрерывно движутся навстречу друг другу, но нет оснований прогнозировать для них победу одной какой-либо из них или создание общепалканской *lingua franca*. «Одним из основных свойств БЯС является его принципиальная динамичность, обеспечиваемая постоянным действием балканистических процессов, представляющих собой языковые контакты, так сказать "в абсолюте" (другими словами, схождения балканских языков импульсируются причинами более общими, чем непосредственные языковые контакты и, следовательно, изменения в системе могут происходить и при отсутствии контакта)» (указ. соч., с. 6). В связи с этим встает вопрос о возможном выборе языка-посредника для грамматики БЯС. Возможности здесь таковы: а) строится некая метаязыковая абстракция; б) выбирается один из языков БЯС и остальные описы-

ваются, исходя из него, путем пересчета; в) порождается некий не существующий реально «язык Балкан» с опорой либо на теоретико-множественную сумму фактов, либо на теоретико-множественное их произведение. Т.В.Цивьян, обращаясь в этой книге к подробному описанию синтаксиса БЯС, полагает, что «о балканской грамматике можно говорить как о грамматике, рассчитанной на язык с несколькими терминами» (указ. соч., с. 7). И, как она пишет в конце, – «Разумеется, это *lingua franca* особого рода, так сказать, высшего порядка» (указ. соч., с. 264).

Сам анализ синтаксических структур строится по так называемым ЭСК (элементарным синтаксическим конструкциям). Это – абстрагированные до минимума словосочетания вроде *книга отца, пошел домой, вот дом, мама уехала, земля круглая* и т. д.

И здесь, задолго до общемирового обращения к «дискурсивным словам» и неререферентным языковым выражениям, Т.В.Цивьян формулирует категориальное различие двух слоев синтаксической структуры: элементов класса С и элементов класса Z. Класс Z – это «неполнозначные» слова: частицы, союзы, местоименные клитики, плавающие аффиксы и т. д. «Элементы Z играют формообразующую роль в тексте и на уровне минимальных единиц (ЭСК), и на уровне протяженных отрезков. Оказывается далее, что, переходя в виде конституента (ср. ранее: морфологический уровень – конституент синтаксического и т. д.) в коммуникативную модель, эта оппозиция в общем плане соответствует аграмматизму (С) и способам установления и проверки контакта (Z) <...> Этот класс Z в балканских языках весьма разработан, набор соответствующих элементов широк и разнообразен и, что особенно существенно, выделяет основное лексическое ядро, проходящее по всем балканским языкам» (указ. соч., с. 285).

Могу сказать, достаточно хорошо зная литературу об этом популярном сейчас классе, что стремление не выходить за пределы «дисциплинарной матрицы науки», по Т.Куну, заставило многих лингвистов последних лет анализировать эти элементы полексемно, поодиночке, увлекаясь семантической лексикографией, то есть – так же, как и слова полнозначные. А между тем, это нереально. И Т.В.Цивьян достаточно четко говорит о принципиальной неоднозначности этих элементов, о том, что их значение можно понять только в контексте, но их основная функция – создание прочного каркаса, на котором держится синтаксическая модель. И в этом отношении балканские языки едины.

Идя далее, Т.В.Цивьян выясняет причины синтаксических особенностей БЯС. Их она находит в **коммуникации**, в постоянном общении людей разноразличной генетики, но с глубинной тягой общения: «Требуется ввести более высокий уровень абстракции, помогающей примирить противоположные тенденции в развитии системы БЯС. Здесь – это уровень *коммуникации*»

(указ. соч., с. 279). (Можно добавить только, что она не упоминает человеческого свойства балканцев, сразу обращающего на себя внимание более северных наций, – их **коммуникабельности**, просодической активности, яркости оценок, эмоциональной повышенности беседы.) Таким образом, общую тенденцию к аграмматичности, перенос центра тяжести с формального уровня на лексико-семантический, Т.В.Цивьян видит в результате воздействия на языки Балкан общей модели БЯС с ее возмущениями, а не последствия отдельных бинарных контактов.

В первой своей монографии Т.В.Цивьян, скорее, стремилась увидеть в БЯС общее. Через пятнадцать лет этот общепризнанный союз явил перед ней свою противоречивость. Например, «в БЯС сосуществуют процессы, которые можно назвать центростремительными и центробежными. С одной стороны, наблюдается движение к некоему центру, формирование гомогенного ядра, аккумулирующего основные характеристики отдельных членов БЯС. С другой стороны, в БЯС царит свобода и необязательность, тенденция к установлению принципиальной неоднозначности, многовариантности решений. И то, и другое неотъемлемо принадлежит БЯС» (указ. соч., с. 277). Замечательно и то, что, хотя с одной стороны, БЯС – это котел инноваций, обращенных к будущему, с другой стороны, «речь идет о своеобразной рекурсии, "возвращении" к состоянию, которое типологически близко к индоевропейскому».

То есть, обобщая в 2006 году эти положения тридцатилетней давности, можно сказать, что Т.В.Цивьян задолго до выдвинутых в начале 90-х XX века «революционных» положений Фр. Адрадоса, К. Шилдза и др. о «дофлексивном», допарадигматическом, состоянии индоевропейского как языка с высказываниями, внутри которых элементы семантически диффузны, пришла к этим же мыслям, позволившим ей объединить воедино далекое балканское прошлое, аграмматизм, роль контекста и роль класса Z.

И вот, разрабатывая синтаксические модели, исследовательница приходит к тем идеям и тем увлечениям, которые и поныне сопровождают ее творческий путь. А именно – это интерес к **фундаментальным** антропоцентрическим **оппозициям**, рассмотренным в их антитезе и их синтетичности. Эти оппозиции будут ею описываться и изучаться не только на материале языков Балкан.

В явном виде сложившиеся идеи Т.В.Цивьян-балканиста, в сущности, посвятившей десятки лет ответу на простой, но обычно оказывающийся неразрешенным, вопрос: «БЯС – это что такое?», были впервые изложены в монографии «Лингвистические основы балканской модели мира», М., «Наука», 1990, а несколько позднее в ее научном докладе, представленном на соискание ученой степени доктора филологических наук «Концепт языкового союза и современная балканистика» (М., 1992), то есть, спустя еще тринадцать лет после книги о синтаксических структурах.

Смелость научной мысли исследовательницы состояла в том, чтобы, столкнувшись с невероятно трудным и сопротивляющимся материалом (об этом мы скажем ниже), не пытаться «причесать» его под ту или иную теорию или ту или иную популярную модель, а в том, чтобы выявить онтологическую сущность феномена.

Прежде всего Т.В.Цивьян определяет идею амбивалентности как самую сердцевину балканистики – «то, что можно назвать амбивалентностью статуса балканистики как **внешнего** – она включает в себя многие дисциплины и не равна ни одной в отдельности, так и **внутреннего**, когда ареальная сетка обуславливает самые необычные смещения. Эта особенность отражает, как кажется, суть балканистики, не давая считать ее всего лишь ответвлением ареальной типологии и лингвистической географии. Может быть, амбивалентность была заложена в балканистику при самом ее возникновении в результате слияния **практического** описания материала и **теоретического** прорыва в новые области лингвистического анализа, прорыва, хотя и приуроченного к балканской ситуации, но не ограниченного ею» (указ. соч., с. 2-3).

И далее Т.В.Цивьян обобщает:

*«Но в том и особенность БЯС, что его уникальность создается **монтажом** неуникальных элементов. **Необычное** возникает из **обычного** благодаря тому, что сам монтаж построен на противопоставлении составляющих и одновременном их сосуществовании и перетекании друг в друга».*

Итак, балканские языки, по ее мнению, никогда не разойдутся и никогда не соединятся.

Сама же система БЯС «и в своем единстве, и в своем разнообразии ориентирована на осуществление коммуникации в затрудненных условиях; поэтому в основу должна быть положена коммуникативная модель, ориентированная на балканистические процессы и независимая от пространственно-временных параметров» (указ. соч., с. 18). Естественно, что в такой ситуации на передний план модели мира выходят оппозиции: свой – чужой, внешний – внутренний, я – другой, похожесть – непохожесть. Однако, при постоянном (и затрудненном!) контакте разноязычного хаоса Балкан у носителей балканского менталитета возникают одновременно два конкурирующих компонента модели мира: осознание своей балканской всеобщности и осознание своей этнической и языковой отдельности. Однако все эти оппозиции могут нейтрализоваться, смешиваться и перетекать друг в друга. На следующем этапе Т.В.Цивьян делает вывод: «Прямой, однозначный, определенный ответ не отвечает требованиям БММ <балканской модели мира – Т.Н.>, твердо придерживающейся амбивалентности, при которой одна и та же оппозиция и в один и тот же момент может означать: или то/ или другое = и то / и другое =

ни то / ни другое, а над всем этим надстраивается модальность – может быть» (указ. соч., с. 29). Отсюда, как пишет Т. В. Цивьян, возникает некоторое ощущение неопределенности, загадочности, связи с мифологической архаикой, таинственным миром древнефракийского наследия, своеобразной концепции иного мира и под.

И нужно понять, что Т. В. Цивьян писала все это в те годы, когда над отечественной лингвистикой, слишком поздно перенявшей структуралистские предпочтения и придавшей им в силу экстралингвистических причин повышенную аксиологическую оценку, еще витали требования экономности, строгости и, главное, простоты в духе постулатов «копенгагенского кружка».

Однако ориентация в БММ, по мнению и убеждению Т. В. Цивьян, прежде всего **языковая**. БММ определяет язык и язык определяет БММ. Поэтому столь важны функции артикля (тройного), роль синтаксических элементов Z, категория эвиденциальности, сближение глагола и имени, стремление к аграмматизму, роль категории определенности – неопределенности и т. д.

Все сказанное выше можно считать индивидуальной авторской теорией. Однако в безусловной верности положений Т. В. Цивьян и их практической приложимости я убедилась сама, исследуя совсем особую область речепорождения – просодию, в частности, просодию языков БЯС (см.: *Т. М. Николаева*. «Просодия Балкан». М., «Индрико», 1996). Экспериментальные методы исследования просодии известны и апробированы. До этого мною были описаны просодические системы славянских языков. Они составили довольно красивую общую систему, легко разлагающуюся на отдельные подсистемы. Известны прежде всего знаменитые интонации английского языка, десять типов интонации французского и т. д. Балканы дали результаты абсолютно неожиданные и столь же абсолютно укладывающиеся в теорию Т. В. Цивьян. Передо мною предстал хаос: все языки в принципе знали все модели, но могли их применять достаточно свободно, перетекая от диктора к диктору и от одной коммуникативной модели к другой. Не было систем, были только предпочтения. И однако – обнаружился факт почти неправдоподобный. А именно – общепринятым в фонетике считается **относительная** длительность ударного слога (ударного гласного) по отношению к безударным. А здесь выявилась абсолютная длительность тех и других, еще и совпадающая по языкам. Интерпретировать это можно, только исходя из описанной Т. В. Цивьян установки БЯС на коммуникативность, да еще «затрудненную». Абсолютная длительность, видимо, выделяла **слово** в разноязычной компании, была ярким и перцептивно активным сигналом, призывом к общению.

Определение модели мира (ММ) дается Т. В. Цивьян в монографии «Лингвистические основы...» (1990). «В самом общем виде ММ определяется как сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире в данной традиции, взятых в их системном и операционном аспекте» (указ.

соч., с. 5). Эта модель описывается разными кодами: вегетативным, антропоморфным, зооморфным, одористическим, числовым, музыкальным и под. Поэтому одно и то же содержание может передано на разных кодах ММ. Но возможен и не простой пересчет кодов, а окольный путь, бриколаж. (В дальнейшем многие работы Т.В.Цивьян будут посвящены именно движению, пути как воплощению балканской ММ, причем и окольному и долговому пути, каким был путь Одиссея/Улисса.) Отсюда и идеи лабиринта, попадания в неопределенный и невыразимый мир. Университетская подготовка Т.В.Цивьян-классика позволяет ей в этой книге ввести концепцию дальней связи балканского менталитета с далеким прошлым этого полуострова. Она пишет об «актуальной памяти коллектива» следующее: «История как наука, фиксирующая осознание человеком своей особой роли в структуре мира, постоянно шла об руку с мифологией. <...> Существует подсознательная и сознательная установка как на сохранение мифологического и реального, так и на их "симбиоз"; таким образом обеспечивается то вечное возвращение, которое постулировано Элиаде как основа прочности, длительности и преемственности человеческого общества. <...> "Мифологизация истории" обычно рассматривается в диахроническом плане и связывается с категорией памяти» (указ. соч., с. 19–20).

Население Балкан действительно хранит память о своих далеких «предках». Так, например, в 1984 г. в Болгарии простой крестьянин спросил нас с мужем: «Орфея знаете? – Это наш царь!». Легко себе представить, что для русского человека вся до-петровская история уже кажется далеким и смутным палеолитом. Очевидно, русское время – это пространство. Недаром «Повесть временных лет» начинается не с этиологического мифа, а с **расселения**.

II.

Путь ученого, идущего от первоначального юношеского собирания фактов к построению собственной теории, обычно представляется поступательным. Подъем на верхние ступени познания как правило заставляет забывать о нижних. Случай Т.В.Цивьян – особый. Все интересующие ее с ранних пор проблемы остаются с ней, только переходя на более высокий уровень интерпретации. Кроме того, нельзя все-таки замолчать тот факт, что Т.В.Цивьян – **не только балканист**. Разумеется, специального подхода ждут необходимые исследования вроде: Т.В.Цивьян – семиотик; Т.В.Цивьян – исследователь русской литературы; Т.В.Цивьян и поэзия Серебряного века; Т.В.Цивьян как знаток русского авангарда и т.д. Унаследовав от своего учителя Владимира Николаевича Топорова широту интересов и одновременно тягу к сбору конкретного и редкого материала, Т.В.Цивьян в течение многих лет применяла методы, апробированные на балканском материале, к небалканским фактам и,

напротив, сделав определенные выводы после изучения новых (небалканских!) данных, расширяла уже предложенную ранее интерпретацию сути БЯС. Можно сказать также, что продекларировав в 1964 году многофакторность существования БЯС как союза не только языкового, но и сближения по данным фольклора, мифологии, искусства, даже литературы, она сама и занялась изучением всех этих областей. Поэтому необходимо (как можно более кратко) перечислить основные направления ее интересов балканистической сферы и полученные результаты. То есть речь пойдет далее о конкретных областях и о конкретных задачах. (Читатель может ознакомиться с ее основными работами по балканистике, избранной библиографией по этому вопросу, в конце настоящего сборника.)

С большей или меньшей очевидностью, среди работ Т. В. Цивьян выделяются шесть основных направлений, по которым велись ею балканистические исследования. (Еще раз повторяю, что каждое из них имеет в ее трудах выходы и за пределы собственно балканистики. Кроме того, мы не имеем возможности описать здесь ее поистине гигантскую, можно сказать, титаническую, научно-организационную работу: подготовку множества сборников и коллективных трудов по балканистике, изданных в России, и тем самым демонстрацию многих балканистических проблем российскому филологу, выступления на Балканистических конгрессах, организацию Балканских чтений под эгидой Института славяноведения РАН и многое другое.)

Что же это за шесть направлений? Это:

1. Отдельные подходы к решению того же общего вопроса – *Что же такое БЯС?* и – тем самым – что же тогда такое «балканистика»?
2. Исследования грамматики БЯ, собственно языковые проблемы.
3. Работы по фольклору БЯС, ритуалам, обрядам, мифопоэтическому субстрату народных верований и т. д.;
4. Работы по так называемой «античной балканистике», которую Т. В. Цивьян тесно связывает с современным состоянием БЯС.
5. Обращение к литературным формам языков БЯС, анализ языка поэтов, стихотворных форм и литературных жанров.
6. Уточнение и развитие описанной выше БММ.

Прежде всего Т. В. Цивьян не оставляет своим исследовательским вниманием общие вопросы статуса БЯС как **языкового** союза. Т. е. это – первое направление. См. публикации: «Какви са основните "балкански" черти на българския, македонския, румънския и новогръцкия език (отчасти на сърбохърватския и турския)» (1963); «К проблеме построения лингвистического атласа балканского языкового союза» (1964); «К проблеме построения грамматической модели языка-посредника в системе балканского языкового союза» (1966); «О возможности применения ареально-типологических мето-

дов для исследования балканского языкового союза» (1966); «Обзор основных изданий в современной лингвистической балканистике» (1974); «О построении синтаксиса в грамматике балканского языкового союза» (1974); «Лингвистическая балканистика в СССР» (1979); «Об одном типологическом сходжении в маргинальных зонах балто-балканского ареала» (1985); «К семантической структуре балканского языкового союза» (1989); «О концепте языкового союза и современной балканистике» (1992); «(Само)название как инструмент объединения и разъединения: случай Балкан» (2005); «Языковые союзы и ареалы языковой и этнокультурной конвергенции на территории Евразии (с Д. И. Эдельман)» (2005).

Мы хотим обратить внимание читателя – здесь и в дальнейшем – на непрерывающийся с годами интерес Т. В. Цивьян к однажды поднятой ею теме, во-первых, и на несомненный и скорый теоретический рост ученого, во-вторых.

Обратимся ко второй проблеме: грамматические категории языков БЯС. Помимо указанных выше трех монографий, Т. В. Цивьян опубликовала по этой теме описания форм новогреческого существительного (1963) и румынского (1964). Кроме того, ее интересовали вопросы общей типологии и грамматики языков БЯС: «Об одном подходе к типологии славянских языков» (1963), а также «Предложения по сопоставительной грамматике славянских языков» (1973), «Морфонологический уровень в описании БЯС» (1981), «Изучение грамматического строя болгарского языка в свете балканистики (проблемы и перспективы)» (1983), «Перфект I, перфект II и категория пересказывания в македонском языке: к постановке проблемы» (1986), «Категория диминутивности в структуре новогреческого этноязыкового пространства» (2002, 2002а, 2003); чисто синтаксические проблемы: «О построении синтаксиса в грамматике балканского языкового союза» (1973), «Предложения к описанию синтаксиса новогреческого языка с помощью элементарных синтаксических конструкций» (1975), «Аппозиция в связи с некоторыми тенденциями развития синтаксических структур новогреческого языка» (1973), «Синтаксическая структура БЯС: ведущий принцип» (1979); проблемы содержательных синтаксических категорий: «Об одном аспекте посессивности и способах его выражения в балканских языках (dat. eth. и его трансформы)» (1983, 1984), «Un aperçu sur la catégorie de la deixis dans le système grammatical de l'ULB» (1987, 1987а). Мы не упоминаем из экономии места здесь о том, что многие работы Цивьян переведены и/или опубликованы в разных странах Европы.

Третье направление в работе Т. В. Цивьян – это исследования по мифологии, фольклору, народным верованиям и обрядам Балкан. Исследований этих очень много – около пятидесяти и проблематика эта стала осваиваться исследовательницей немного позже, чем чисто языковые вопросы. Ее интересуют

сюжеты: «Баллада о мертвом брате в балканском фольклоре» (1970), «Миорица: уникальное и типовое. К анализу одного балладного сюжета в карпато-балканской зоне» (1985), «Слово в тексте магического действия» (1988), «Защита от дурного глаза: пример из албанской традиции» (1993), «Шар-Планина – героиня македонской пасторали» (1998) и др.; *потаенная семиотика вещей*: «К семантике дома в балканских загадках» (1974), «К семиотике посуды в восточно-романском фольклоре» совм. с Т.Н.Свешниковой» (1979), «Мифологическое программирование повседневной жизни» (1985), «Архетипический образ дома в народном сознании» (2000), фольклорные *жанры* и фольклорные *ритуалы*: «К семантике пространственных и временных показателей в фольклоре» (1973), «Румынские тексты о персонафицированных днях недели» (1973), «К структуре одного класса операционных текстов в румынском языке» (1976), «К мифологической интерпретации восточнороманского колядного текста» (1984), «"Феномен пастушества"» в балканской модели мира» (1990), «Текст как мера времени в архетипической модели мира» (1993) и др. Разумеется, перечислены только некоторые из публикаций.

Но никак нельзя не сказать, анализируя это направление работ Т.В.Цивьян, **о главном** – о ее очень важных трудах, посвященных так называемому «основному мифу индоевропейцев», сформулированному и описанному основателями Московской семиотической школы Вяч.Вс.Ивановым и В.Н.Топоровым. (Подробное описание этих работ Иванова и Топорова и их последователей см. в книге «Из работ Московского семиотического круга». М.: ЯСК, 1997.) Канва сюжета: жена Громовержца изменяет ему с Зооморфным противником. Муж изгоняет ее, но судьба и происхождение их детей ему безразлична. Эта тема – бой Антропоморфного героя с Зооморфным противником – общеизвестна, но она выявляется по-разному в разных регионах и в системе разных семиотических кодов (см. выше слова Т.В.Цивьян о растительном, одористическом, зооморфном и т.д. кодах и о возможности пересчета с одного кода на другой). И вот на долю Т.В.Цивьян выпало определение и выявление сюжета основного мифа в рамках *Тегга balkanica*, исследовать, внимательно анализируя, варианты сюжета и варианты кодов. Так, ее труды наполняют мелкие зверьки: ласка (1979), лягушка (1981), змеи и птицы (1984), еж (2004), птицы – «курьеры» (2004), божья коровка (в печ.), наполняют растения: конопля (1976), мак (1979), рута, мята (1983), цветы и запахи (1987, 1991), горы и воды (1992), просто вода (в печ.). (Мы называем только дату *первого* появления этой темы в трудах Т.В.Цивьян.) Все эти отдельные описания не повисают в воздухе, а реинтерпретируются ею, «переводятся» из одного кода в другой, в результате чего возникают исследования теоретического плана – обобщения.

Как уже говорилось выше, по своему университетскому образованию Т.В.Цивьян филолог-классик. Эта утонченная специализация дала ей две возможности, которые она прекрасным образом использовала. А именно: а) возможность связать современное состояние БММ и ее далекие архаические корни. См., например «Вергилианский миф в Средневековье» (1985), «Еще раз о Гомере. *φίλος* в связи с проблемой притяжательности» (1986), «Кассандра, Дидона, Федра. Античные героини – двойники Ахматовой» (1989), «Новогреческий *κλιδον* и его античные истоки» (1990), «Le concept de l'éphémère dans un rite dionisiaque et ses parallèles russes» (1994), «Путешествие из Греции в Грецию через Запад («Итака» Кавафиса: к теме интертекста)» (2005). б) Можно продолжать исследование моделей древней античности: «Об одном отражении мифопоэтической традиции у Анаксимена» (1979), «Сады Адониса: комментарий к ритуалу» (1981), «Verg. Georg. IV: к мифологеме сада» (1983), «"Лесенки" Адониса на итальянских вазах» (1984), «Образ и смысл жертвы в античной традиции» (1983), «Путешествие Одиссея – движение по лабиринту» (1997), «Классификация по Харону» (1997), и многое-многое другое. Это – четвертое направление по нашей классификации.

И здесь хотелось бы сказать, обозревая длинный путь большого ученого, как малы пять университетских лет и как не стоит цепляться только за них, но стоит полагать их первым научным трамплином, прыжком в широкую специализацию, к углублению и расширению того, что получено в университетские годы.

К тому же, Т.В.Цивьян перевела около 10 книг. Она была ответственным редактором, составителем и членом редколлегии в 55 (!) изданиях по балканистике. То есть, она практически создала нашу отечественную балканистику как нечто реальное, печатающееся, произносимое и уже объединяющее десятки людей.

Всякий филолог немислим без обращения к литературе, к литературному языку, отточенному элитой. В начале статьи мы говорили о вхождении нашей лингвистики в «нормальную науку», по Т.Куну. В комплекс такой науки входит и обращение к диалектному материалу, что, безусловно, необходимо. Однако вся та же боязнь науки как антропоморфного существа мешает ей обратиться к простому вопросу – а чем все же диалект «недотянул», что в нем ущербного по сравнению с литературным избранником? Т.В.Цивьян не боится обращаться и к глубинам архаики, и к изысканной литературе двадцатого века (пятое направление).

И здесь ее любимец – Кавафис. Недаром она – ответственный редактор издания «Русская Кавафиана. Кавафис» (2000), составитель (вместе с С. Ильинской) сборника «Константинос Кавафис. Проза» (2003), автор статей: «Анализ одного "александрийского" стихотворения К. Кавафиса» (1979), «О поэтике Кавафиса

sub specie балканской картины мира» (1989), «Числа у Кавафиса» (1992), «О стихотворении Кавафиса "Дом с садом"» (1994), «Scherz und Traurigkeit. Das Gedicht von Konstantin Kavafis "Haus mit Garten"» (1996), «Das Gedicht *ΕΙΣ ΤΟ ΕΠΙΝΕΟΝ* von Konstantinos Kavafis im mythopoetischen Kontext» (1999), «Бродский и Кавафис» (2000), «"На корабле"» (2000), «"В конце пути"» (2000), «Проза поэта» (2003), «"Η καβαφική νήσος υλάρχει"» (2004), «Из заметок о поэтике Кавафиса. Колористика Кавафиса» (2005), «Одно из зеркал Кавафиса» (2005) – многие на ее месте так бы и остались «специалистами» по Кавафису.

В последнее время Т.В.Цивьян обратилась к творчеству М.Александропулоса.

О последнем направлении. Если ранее, определяя, что такое балканская модель мира, Т.В.Цивьян интересовалась ею как единством противоположных оппозиций (свой – чужой, внешний – внутренний и т.п.), то есть, ее семиотическим аспектом (нужно заметить, что ее книга «Модель мира и ее лингвистические основы» (1990) за последние годы уже переиздавалась дважды в дополненном виде), то в последние десятилетия ее больше интересует *дух* БММ, ее **антропоцентрическое** начало. См. исследования: «Мифологическое программирование повседневной жизни» (1985), «La femme aux Balkans – conservatrice de l'information sacrée» (1986), «L'espace ethno-linguistique des Balkans» (1997) и др.

Две фигуры оказываются в центре ее интересов: **пастух**, мечтающий о чем-то на балканских горных вершинах, и **мореплаватель**, плывущий домой, или просто странник, долго и мучительно огибающий острова. (С горами и пастушеством связан часто мотив жертвы, которым также занимается Т.В.Цивьян; опасность грозит и мореплавателю.) Ср. даже названия ее книг: «Движение и путь в балканской модели мира» (1999); «Семиотические путешествия» (2001). См., в частности, «Феномен пастушества» в балканской модели мира» (1990), «Шар-Планина – героиня македонской пасторали» (1998). Пастух ведет стада по горным тропам, но и множество кораблей плывет по Балканам и вокруг них. В последние годы Т.В.Цивьян интересуется общей проблемой *пути*. «The Danube – Symbol of the Mythical Road (1997), «Сложный путь домой» (1998), «Концепт пути в фольклорной модели мира» (1998), «Остров, островное сознание, островной сюжет» (2004), «Переход через границу и amor fati: мифологическое и реальное» (2005). Она объясняет, почему Одиссей плыл домой так долго и что такое – **островное сознание**.

Надеемся, что дальнейший путь Татьяны Владимировны будет долгим и столь же интересным.

ЭТРУССКИЙ СЕТХЛАН – БОГ УЗ И ОКОВ: К ВОЗМОЖНОСТИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ОБЪЯСНЕНИЯ ИМЕНИ СЕТХЛАНА (ГЕФЕСТА)

В двух работах последних лет я писал о присутствии в этрусской ономастике – в том числе и в теонимике – восточно-балканских элементов, отмеченных фонетическими и морфологическими особенностями, характерными для фракийского языка [Цымбурский 2003; Цымбурский 2007]. Случай же, который я рассмотрю в нынешней статье, несколько иного рода – для обсуждаемой этрусской формы не известен точный балканский прообраз, но косвенные соображения позволяют предполагать в ней индоевропеизм с фракийскими словообразовательными аналогами.

Имя этрусского бога-кузнеца Сетхлана засвидетельствовано рядом надписей при мифологических изображениях. Самая ранняя из них – это форма *Šeṭilanś* на сердоликовой гемме V в. до н.э. из Тарквиний (NR 1129). Позднее, в новозтрусскую эпоху, имеем начертания на расписных реверсах зеркал – *Šeṭlans* в тех же Тарквиниях, на севере в Клузии и на одном зеркале неизвестного происхождения; *Seṭlanś* в Арреции; а кроме того отклоняющийся от того, что видим собственно в Этрурии, вариант *Setlans* на зеркале из Коркиано в области фалисков (NR 971) [ThLE I: 290,312,319; ThLE II: 43]¹.

Гемма со старейшими письменным упоминанием Сетхлана представляет бога перед кузнечным горном. На зеркалах он выступает как субститутотом греческого Гефеста в сюжетах, известных из греко-римской словесности, так и участником эпизодов, вроде бы в ней не отмечаемых. То он двойным топором разбивает голову громовержцу Тинии (=Зевсу), высвобождая заключенную в ней богиню Менрву (=Афину) [GK 66]. То вместе с демоном Трету они освобождают богиню Уни (=Геру) от волшебного трона, к которому она, про-

¹ Как известно, в этрусском различались два спиранта, противоположным способом отражаемые на письме в южной и в северной (Клузий, Кортона, Перузия, Арреция) частях коренной Этрурии: слово со значением «дочь» стандартно пишется на юге *seḥ* (в начале – сигма из трех черточек, прообраз латинского *s*), а на севере – *seḥ* (с начальным *M*), но слово, значащее «погребение», наоборот, на юге нормально выглядит *šufi*, а на севере – *suḥi* [Pfiffig 1969:46-48; Rix 1984]. После того, как прежде, путавшее всю картину, чтение имени Сетхлана на тарквинийской гемме *Seṭlans* [ThLE I:313] было пересмотрено в [ThLE II], для этого теонима по соответствию *Šeṭilanś*, *Šeṭlans* в Тарквиниях: *Seṭlanś* в Арреции надежно восстанавливается в анлауте тот из сибилантов, условно [*s*₂], который А. -Й. Пфиффиг вместе с рядом других авторов трактует в качестве напряженного, а Г. Рикс – как палатальный (?). Написание *Šeṭlans* в Клузии – возможно, один из отмечаемых Риксом случаев продвижения южного графического зууса на север, если, вообще, речь не должна здесь идти о привозном изделии с юга.